

О рыцарстве гимназистов, систировании и «передовой» педагогике

<https://oralhistory.ru/talks/orh-362-363>

📅 22 марта 1974

Собеседник

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 22 марта 1974 и опубликована 19 февраля 2016.

Введение

Во второй беседе — кулачные бои гимназистов, жестокие шутки над «педелями», которые «систировали» учеников, прогуливающихся в неполюженном месте в неполюженное время и «заграничная» атмосфера Киева — веселая уличная жизнь, кафе, столики под тентами, где общаются студенты с курсистками, а деловые люди — друг с другом. Важным этапом культурного и научного формирования рассказчика в эти годы стали кружки: небольшие компании гимназистов и студентов, объединенные общими увлечениями — спортом и интересом к наукам. Участники кружков устраивали совместные «экспедиции» за город, исследуя новые места, читали друг другу стихи и доклады о прочитанных книгах.

В этот же период Тимофеев-Ресовский становится сборщиком (препаратором) Императорской Академии наук — получает официальный документ, который позволяет ему беспрепятственно путешествовать по всей территории Российской империи, собирая образцы для научной коллекции Академии наук и Зоологического музея. О некоторых порой комичных подробностях своих странствий он рассказывает в завершении беседы.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Так вот, отец мой был инженер путей сообщения, строитель. И мы жили в разных городах в зависимости от того, где он строил свою железную дорогу. Родился я в Москве. Когда мне было три-четыре года, переехали мы в Вильно, где было главное управление дороги, выстроенной отцом, Полоцк — Седлец. Это дорога, которая потом прославилась в 14-м году в связи с мобилизацией военной в начале первой войны, так как она оказалась с очень большой пропускной способностью. Затем в 1908 году мы переехали в Киев, где было главное управление дороги Одесса — Бахмач с мостом у Черкасс через Днепр, которую строил отец. Это была его последняя дорога. Он в 13-м году умер, и мы переехали в Москву.

Владимир Викторович Тимофеев-Рясовский. Отец Н.В. Тимофеева-Ресовского

Атмосфера Киева. Учеба в гимназии

Я начал учиться в гимназии с третьего или четвертого класса, в 1-й казенной гимназии, это была 1-я Императорская Александровская гимназия, очень известная в России, так как в ней училось довольно много интересных людей. Например, из писателей: Булгаков и Паустовский¹.

¹ Об учениках 1-й киевской гимназии см. очерк М.А. Реформатской «Юные годы ровесников века» (Тимофеев-Ресовский Н.В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М., Согласие. С. 659–686)

Надежда Николаевна Тимофеева-Рясовская (урожденная Всеволожская) со старшими детьми. Слева направо: Виктор, Николай, Вера и Владимир. 1906 г.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Вы их знали тогда?

Н.Т.-Р.: Они старше меня были лет на пять и, соответственно, классов на пять старше меня. Киев того времени, предвоенных лет, между 10-м и 14-м годом, был городом очень интересным. В России это был, пожалуй, один из таких передовых в смысле цивилизации городов, в том смысле, что прекрасный трамвай был проведен в Киеве довольно давно. В Киеве в самом начале века большинство домов, имевших более трех этажей, были снабжены лифтами. В Киеве была хорошая телефонная сеть. Киев славился тогда на всю Россию прекрасной организацией работы пожарных частей, скорой помощи. Одним словом, в смысле, так сказать, городской жизни он был очень цивилизованным городом, с одной стороны, и, с другой стороны, для России он был представителем больших южных городов. Это был, ежели хотите, самый северный южный город, большой город, в России типа: Киев, Екатеринослав, Одесса... Харьков был менее типичен уже. Может быть, ближе был Ростов-на-Дону. Но, пожалуй, наиболее своеобразными, имевшими свое лицо, городами русскими были тогда на юге Киев и Одесса.

Жизнь киевская была относительно веселой, немножко напоминавшей за границу. Очень оживлённы были с весны до поздней осени кафе, большие кафе. Как только тепло, выставлялись столики под тентами на широких киевских тротуарах, и в этих кафе протекала, собственно, довольно такая типичная европейская уличная жизнь.

” В знаменитых кофейнях Семадени* сидели иной раз часами какие-то деловые люди и занимались, по-видимому, коммерческими делами. С другой стороны, сидела молодежь, студенты, курсистки, веселилась, разговаривала, кокетничала.

² Кофейни Семадени находились на Крещатике, 15 и на Большой Васильковской, 12.

Вот то, чего в Москве, в Петербурге и во всех больших городах, более северных, в России дореволюционной, в сущности, не было.

Интересна была и гимназическая жизнь. Несмотря на то, что Киев был отнюдь не какой-то глухой провинцией, а был третьим по величине городом в дореволюционной России, очень типична была школьная гимназическая жизнь в том смысле, что каждая гимназия, коммерческое или реальное училище, многие высшие начальные городские училища имели свои своеобразные, иногда немножко чудные традиции. Те или иные гимназии дружили или враждовали друг с другом. Определенные гимназии состояли в дружбе, другие — в традиционной вражде. Например, в Николаевском парке, ныне парк Шевченко, кажется, с одной стороны находилась наша 1-я гимназия, Императорская Александровская, с другой стороны, прямо напротив, находилось, кажется, Императорское же коммерческое училище³. По традиции, особенно зимой, по снегу, в Николаевском парке по субботам после уроков происходили кулачные бои между нашей гимназией и Коммерческим училищем. Это, конечно, было, так сказать, предприятие, связанное с целым рядом мероприятий защитных от начальства гимназического и коммерческого, и от полиции, потому что, конечно, начальство все это не одобряло. Но проводились настоящие стенки по всем старинным правилам, с запретом набирать пятаки в кулак и с определенными правилами, куда можно, куда нельзя бить.

³ На Бибиковском бульваре, 18 (на его пересечении с Большой Владимирской улицей) находилась 2-я мужская гимназия.

Киев. 1-я гимназия. Вид с Бибиковского бульвара. 1900-е г. Фото: starkiev.com

” Эти бои проходили настолько интенсивно, что иногда мне приходилось часик-другой где-нибудь оттираться снегом и в парке отлеживаться перед тем, как возвращаться домой, чтобы очень уж не бросалось домашним в глаза то состояние, в котором мы после таких боев находились.

Київ. Николаевский сквер. 1900-е гг. Фото: iо.ua

В.Д.: А в больницу не попадали?

Н.Т.-Р.: Нет.

В.Д.: А после вас в больницу не попадали? Все-таки у вас кулачки хорошие.

Н.Т.-Р.: Нет-нет, до этого не доходило.

В.Д.: Это в каком же возрасте?

Н.Т.-Р.: Ну, господи, в возрасте...

В.Д.: Пятнадцати?..

Н.Т.-Р.: Нет. От двенадцати до пятнадцати, вот так.

В.Д.: А, ну это еще фактически забава.

Н.Т.-Р.: Как я уже говорил, некоторые гимназии друг с другом дружили. И вообще в поведении гимназистов и школьников на улицах, в парках, всюду в Киеве, по традиции, сохранялось «лыцарство», как говорилось. Рыцарство своего рода. Например, мы идем втроем по улице, встречаем четырех коммерсантов. Мы могли задрать их и начать небольшую свалку или драку, но не они, потому что их было четверо, а нас — трое. Если бы нас было четверо, а их трое, то они, ежели пожелают, могут нас задрать, но мы не могли их задрать, потому что на нашей стороне было большинство. Это считалось бы нерыцарским поведением: задрать, так сказать, более слабую сторону.

В.Д.: И слово это употреблялось?

Н.Т.-Р.: «Лыцарством» называлось. Было одно исключение. Все школы рыцарски относились друг к другу, более или менее, за исключением частной гимназии Науменки⁴. Это была частная привилегированная гимназия, в которой учились главным образом дети богатых родителей.

⁴ Владимир Павлович Науменко — владелец одной из лучших в Киеве частных мужских гимназий, которая находилась на улице Большая Подвальная, 256.

В.Д.: И известных чиновников...

Н.Т.-Р.: Нет.

В.Д.: Нет?

Н.Т.-Р.: Нет, в основном, так сказать, буржуазия тогдашняя. Они имели отличную от всех прочих гимназий форму, такая синяя была у них форма. И вообще они несчастные были юноши, потому что их разрешалось бить в любой комбинации (*оба усмеваются*). Науменковца можно было, ежели нас было трое, а он один, все равно можно было ему морду набить (*смеется*). Так что они как бы вне закона стояли.

В.Д.: Классовая основа была.

Н.Т.-Р.: Да. Наверное, не любили мы все науменковцев именно за то, что они, во-первых, были передовые, во-вторых, богатые, в-третьих, какие-то такие чистенькие, холеные и вели себя, соответственно, тихо и смиренно.

Здание бывшей науменковской гимназии на Ярославовом валу в Киеве. Фото: serg-klymenko.narod.ru

В.Д.: Интеллигентные были мальчики.

Н.Т.-Р.: Интеллигентные были мальчики.

В.Д.: А вы, значит, шпана были.

Н.Т.-Р.: А мы были шпана, совершенно верно. У нас были и такие традиционные занятия, и более-менее рыцарские, и более такие, что ли, некультурные. Учился я во времена знаменитого Кассо⁵.

⁵ Лев Аристович Кассо (1865–1914) — министр народного просвещения в 1910–1914 гг.

Лев Аристович Кассо. Буассон и Эгглер – Иллюстрированное приложение к газете «Новое Время» за июнь 1913 г., № 13389

В.Д.: Знаю.

Н.Т.-Р.: При Кассо гимназисты находились на таком полувоенном положении: после восьми часов вечера на улицу выходить не имели права, к различным непорядкам в форме строжайшие были придирки. Ежели кушак не так надет или число пуговиц не соответствует положенному на рубашках или куртках. Ежели по улице школьник идет с неряшливо заткнутой за пояс рубашкой, то так называемые классные надзиратели и помощники классных надзирателей могли их остановить, записать, и потом происходили от того всякие неприятности.

Никакого телесного наказания в наши времена, конечно, не применялось, но карцер существовал. Можно было получить карцер на один день, а можно было и на две недели получить.

Это не значит двухнедельная отсидка в карцере, а это значит... карцер означал отсидку в течение трех часов по окончании уроков в карцере. Ежели карцер давался на неделю, то всю неделю каждый день нужно было три часа отсидеть в карцере. Конечно, это была неприятная штука. На неделю, на две недели получали редко, за более-менее крупные преступления. Так на день-два-три — это довольно часто можно было получить.

В.Д.: Вот где ваш опыт первый.

Н.Т.-Р.: Да. Так вот. У нас, в нашей гимназии, процветал в мое время такого рода спорт, назывался он «марафонский бег». После восьми, около так полдесятого — десяти вечера мы компанией, обыкновенно зимой, выходили на самые неположенные места, скажем, на Бибиковский бульвар, которые был под полным запретом в вечерние часы (для гимназистов, конечно), и там отыскивали педеля — какого-нибудь помощника классного надзирателя, по гимназической терминологии коридорного наставника. Это были обыкновенно (в общем, потом нам было, уже когда мы подросли, совместно) довольно бедные, такие неудачники, по образовательному цензу не вытягивавшие в учителя, самая низшая категория служащих министерств народного просвещения, начиная... по чину они были от коллежского регистратора до... коллежский регистратор, губернский секретарь и коллежский секретарь... вот, коллежские регистраторы, губернские секретари и коллежские секретари. Самые низшие чины. Получали они небольшое жалование, были обыкновенно люди многосемейные уже и подрабатывали сверхурочные, дежуря на ловле гимназистов вечером на улицах. Это называлось... они должны были систировать, это называлось, систировать нашего брата. А мы, значит, собирались в самое неположенное время в неположенном месте небольшой компанией и выискивали такого педеля. Конечно, перед этим загибался значок гимназии на фуражке. Ведь на фуражке была такая кокарда из дубовых листьев и с номером гимназии. Вот этот номер гимназии либо чем-нибудь...

Вид на Бибиковский бульвар. На заднем плане красный корпус университета Шевченко (святого Владимира), слева — здание гостиницы Марсель. Фото из коллекции Михаила Кальницкого. Фото: starkiev.com

В.Д.: Закрывался.

Н.Т.-Р.: ...закрывался, либо загибался так, чтобы просто по внешнему виду нельзя было определить, из какой гимназии.

Теперь надо сказать, что обращаться к полиции этим педелям было строжайше запрещено. Это было дело не полиции, а дело министерства народного просвещения. Они должны были управляться, как хотели сами. Так вот, мы выискивали такого педеля, показывались ему целой компанией, нас было человека четыре-пять. Ему, конечно, выгодно было систировать сразу небольшую компанию, все-таки всякий, так сказать, улов количественно определяется. Одно дело систировать одного, другое дело — сразу пятерых. Он, значит, за нами, а мы от него. Он наддает ходу, и мы наддаем ходу. Он притомится, замедлит шаги, и мы замедляем шаги. И помаленьку так идем в район, скажем, круглый, университетский. Это была улица, которая таким винтом вверх идет. От Караваевской, кажется, она исходила и вверх по кругу университетскому. Замедляем ход, он нас почти догоняет.

Мы опять припускаем до какого-нибудь темного, совершенно пустынного бокового переулочка, куда мы загибаем. Он загибает. Мы по команде скидаём шинели, кроем его шинелями и смертным боем бьем.

В.Д.: О! Это жестоко!

Н.Т.-Р.: Да. Потом быстро шинели свои берем и удираем уже бегом. Я говорю, нам потом было жалко, конечно, этих несчастных коридорных наставников, зарабатывавших свои сверхурочные. Но вообще-то это повело очень быстро к тому, что они все-таки никогда своих гимназистов, из своих гимназий, не систировали. Так что это имело некоторое воспитательное значение на воспитателей.

В.Д.: А воспитанники не разлагались на этом?

Н.Т.-Р.: Воспитанники нет, не разлагались, потому что все-таки тут разложения нет. Побить начальство — это еще не разложение, а наоборот. *(Дувакин усмехается.)* А как я уже докладывал вам, рыцарство в основном работало, и группу, явно слабейшую, более малочисленную, избивать не полагалось. Они могли нападать. Тогда, конечно, ежели они задерут, так их можно было и набить, но более сильный не имел морального права первым нападать.

В.Д.: Я говорю насчет темной педелям. Так, ну, хорошо, дальше.

Н.Т.-Р.: Так что, видите ли, уже из этого видно, что жизнь была веселой, в общем-то. И надо сказать... вот часто в различных мемуарах, особенно в мемуарах всяких наших передовых интеллигентов, встречаются воспоминания о школах типа бурсы. Ну, бурса существовала в XIX веке⁶. В XX веке помяловская бурса, уже, в сущности, нигде не существовала в России. А были, в основном, казенные гимназии и реальные училища, особенно провинциальные, довольно-таки такие мракобесные, и с довольно строгой дисциплиной, и с начальством, следившим за соблюдением формальных правил и порядка в школе. И вот это обыкновенно наши передовые интеллигенты со всякими вздохами и причитаниями считали ужасным: у бедных мальчиков загублено детство этими самыми ужасными, какими-то отсталыми школами, гимназиями и так далее. Я считаю, это, конечно, все чушь. Такие отсталые порядки в школах, во-первых, не так были страшны. Не так страшен черт, как его малютки...

⁶ Бурса (от лат. bursa — сумка, кошелек) — духовное училище и семинария с общежитием, содержавшиеся на казенный счет. Порядки и атмосфера киевской бурсы середины XIX века описаны Н.Г. Помяловским в «Очерках бурсы» (1862-1863).

В.Д.: Малюты.

Н.Т.-Р.: Знаю. Это я нарочно. А во-вторых...

В.Д.: Кто ж малютки-то?

Н.Т.-Р.: А во-вторых, все имеет всегда свои плохие и свои хорошие стороны. Хорошей стороной в этой строгой дисциплине формальных порядков, заведенных и в отношении одежды, и в отношении поведения, и в отношении просто дисциплинированного отношения в общественных местах и при встречах с учителями, со своим начальством, и в довольно-таки строгих наказаниях при нарушениях. А за систематические нарушения всех школьных порядков выгоняли, иногда с так называемым волчьим билетом, то есть без права поступления в казенные учебные заведения. Вот. Это имело, конечно, прекрасную воспитательную сторону.

Я в жизни своей часто убеждался, что вся эта так называемая педагогика, уговаривание, понимаете ли, всякое такое... чепуховски смешное отношение педагогов к ученикам, в общем, один разврат, и толку от него никакого.

В первую голову, передовые школы с передовой педагогикой не дают детям, учащимся, основного, что должна дать школа, — воспитания чувства ответственности, прежде всего за самого себя.

Сейчас приходится наблюдать, что школьники в школах могут не только на головах ходить, а и со своими учительницами вытворять все, что им вздумается, и ничего им не грозит решительно. А вот мы-то знали, что серьезное хулиганство влечет за собой, прежде всего для нас и для наших семей, ужасные последствия. Поэтому с младших классов начиная, это воспитывало в нас чувство ответственности. Во-первых, все мы прекрасно понимали своим полудетским ученическим коллективом, что такое хулиганство допустимое и что такое хулиганство с подлинкой и недопустимое. И, во всяком случае, мы прекрасно знали, что за все проделки наши мы всерьез отвечаем. Вот это то, чего, мне кажется, не хватает в современной школе. Это в нас несомненно воспитывало чувство ответственности. А чувство ответственности должно воспитываться в человеке с малых лет, потому что это очень важная вещь во всей моральной структуре человека.

У меня от всех этих, казалось бы, таких реакционных сторон организации тогдашней гимназической жизни в Киеве не осталось каких-нибудь очень уж неприятных воспоминаний. Во всяком случае, я, положа руку на сердце, не могу считать это чисто отрицательным явлением. Конечно, были со стороны глупых и бездарных учителей, гимназического начальства и так далее перегибы, часто действительно нехорошее отношение к ученикам, но это было редко, а чаще это имело большое воспитательное значение. Бывали такие случаи, что если директор, например, заметит у нас в классе какое-нибудь либо слишком уж серьезное хулиганство, либо что-либо нежелательное, скажем, в кавычках «политически», он этого официально не замечал, а потом при случае нам давал понять, что он не заметил этого. И это, конечно, лучше всяких наказаний, заставляло нас опять-таки ответственно относиться к нашему хулиганству, и к затеям, которые, как мы знали, гимназистам не полагались. И затеи эти продолжались, но велись так, чтобы не подводить друг друга и не подводить в том числе и наше

начальство.

В.Д.: Причем, все-таки очень существенная тут сноска должна быть. Вы начали с того, что вы учились в гимназии номер один, кажется...

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: ...которая была одной из лучших в Киеве.

Н.Т.-Р.: Нет. Она была одной из лучших в некоторых отношениях, но вообще это была такая довольно-таки реакционная гимназия.

В.Д.: Ну да, но поставлено было хорошо, и талантливые были педагоги.

Н.Т.-Р.: Было много бездарных педагогов, но были и талантливые педагоги. Но талантливых педагогов было меньше, чем скучных и бездарных.

Вторую половину гимназии... гимназию я кончал в Москве, Флёровскую гимназию⁷.

⁷ Частное учебное заведение Александра Ефимовича Флёрова было основано в 1906 г., позже преобразовано в частную мужскую гимназию. С сентября 1910 г. она располагалась в здании, специально построенном архитектором Николаем Ивановичем Жериховым (Мерзляковский пер., 11). А.Е. Флёров был ее почетным попечителем.

Учеба во Флёровской гимназии

В.Д.: Тоже прекрасная гимназия.

Н.Т.-Р.: Это была превосходная гимназия! И, конечно, в Москве в очень многих гимназиях преподавательский состав был совершенно первоклассный. У нас большинство учителей, за редкими исключениями, были очень талантливыми и умными людьми, которых мы, ученики, склонные, конечно, и к хулиганству, и к лени, и ко всему, в первую очередь уважали и знали, что их знания в соответствующем предмете далеко превышают наши, чего опять-таки во многих случаях, о многих школах сейчас нельзя сказать. Особенно в старших классах встречаются случаи, когда старшеклассники более образованы и развиты, чем их учительницы.

В.Д.: Сейчас массовая школа, другое дело.

Н.Т.-Р.: Вот, сейчас масса средних школ и страшная нехватка преподавателей средней школы. Поэтому очень часто преподаватели совершенно не на высоте.

Я же учился в гимназии, как в Киеве, так и в Москве, может быть, в самое лучшее время. Ведь после 905-го — 6-го года все-таки дух в средних школах был совершенно иной, чем в XIX веке, скажем. Появилось, кроме того, много действительно талантливых преподавателей. Очень хорошо было в университетских и крупных городах то, что многие преподаватели и научные сотрудники тогдашних высших учебных заведений, в первую голову университетов, кончая университет, не попадали сразу на штатные оплачиваемые места в университетах, и им приходилось зарабатывать хлеб свой, надо сказать, с маслом, преподавателями гимназий, реальных и коммерческих училищ — преподавателями средней школы. Это, во-первых, было полезно для самих молодых начинающих ученых и вузовских преподавателей. Это была хорошая практика. И это было очень хорошо в смысле поднятия среднего уровня преподавания в средних учебных заведениях. Среди, например, преподавателей нашей Флёровской гимназии в мое время...

Здание бывшей Флёрвской гимназии в Мерзляковском переулке. Фото: commons.wikimedia.org/wiki/User:NVO

В.Д.: ...которая имела прекрасную репутацию в Москве.

Н.Т.-Р.: ...были учителя, которые потом стали моими университетскими преподавателями. Например, известный зоолог, Сергей Иванович Огнёв⁸, он был преподавателем зоологии в гимназии в те времена еще и уже сверхштатным ассистентом университета, а после революции стал сперва штатным ассистентом, потом доцентом, потом профессором университета и стал одним из крупных наших зоологов-позвоночников. Затем были два брата Жадовские, Борис Эсперович и Анатолий Эсперович. Борис Эсперович Жадов[ский] рано умер. Он был тоже гимназическим преподавателем зоологии и сверхштатным университетским ассистентом. Но он рано умер. А Анатолий Эсперович был преподавателем ботаники в гимназиях, а потом стал известным и превосходным доцентом ботаники Московского университета. Это только по моей специальности. Но и в других областях, например, преподавателем физики у нас был доцент Петровской сельскохозяйственной академии, нынешней Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Борис Федорович Розанов такой. Химию преподавал Славянов. Он был доцентом химии в Коммерческом институте московском. В Москве был (кажется, он закрылся или слился с чем-то в 19-м году уже, после революции) Коммерческий институт, который славился очень хорошим составом профессоров и преподавателей⁹.

⁸ С.И. Огнёв (1886–1951) — зоолог, эколог, систематик, эволюционист, основатель московской школы териологов. В те годы внештатный ассистент и сотрудник Зоологического музея Московского университета. Позже его профессор. С 1911 г. преподавал зоологию и природоведение в гимназии Флёрва.

⁹ Коммерческий институт возник в 1906 г., существовал до 1918 г., был преобразован в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова.

В.Д.: Из него вырос Институт народного хозяйства имени Плеханова.

Н.Т.-Р.: Возможно.

В.Д.: Я почти уверенно это говорю, просто помню...

Н.Т.-Р.: Возможно. Я не помню.

В.Д.: ...Плехановский институт еще некоторые называли Коммерческим. Но, конечно, двадцать процентов ошибки.

Н.Т.-Р.: Там Александр Васильевич Цингер¹⁰ был профессором физики, знаменитый Цингер, который...

¹⁰ А.В. Цингер (1870–1934) — физик, профессор московских вузов, автор учебных пособий, в частности «Начальная физика», «Рабочая книга по физике. Учебник для школ», «Занимательная ботаника. Пестрые беседы любителя». Перу А.В. Цингера принадлежат также воспоминания о Л.Н. Толстом. Его сын, художник Олег Цингер (1910–1998), уехавший в 1922 г. с родителями в Германию, стал близким другом семьи Тимофеевых и написал об этом воспоминания, первый вариант которых прозвучал в книге Д.А. Гранина «Зубр» (1987) (также см.: Цингер О.А. Колюша — Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский // Н.В. Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1993. С. 156–173; Цингер О.А. Где в гостях, а где дома. Париж–Москва, 1994).

В.Д.: По которому я учился.

Н.Т.-Р.: ...который написал знаменитые учебники и в качестве физика «Занимательную ботанику», а не «Занимательную физику».

В.Д.: «Занимательную физику» тоже.

Н.Т.-Р.: «Занимательную физику» не он, а его сотрудник один, Яша Перельман¹¹ написал. Это был ассистент его по Коммерческому институту. Тот написал «Занимательную физику», «Занимательную математику», «Занимательную арифметику». А потом пошли всякие другие «занимательные». А физик Цингер написал «Занимательную ботанику».

¹¹ Яков Исидорович Перельман (1882–1942) продолжил ряд научно-популярных книг по физике и математике.

В.Д.: И хорошая?

Н.Т.-Р.: Прекрасная! Эта вещь переведена на немецкий, английский языки и вообще послужила своего рода началом и эталоном для всяких «занимательных». Прекрасная «Занимательная зоология» была крупным очень мюнхенским зоологом, профессором зоологии в Мюнхене фон Фришем потом написана, кстати, непосредственно под личным воздействием Цингера. Они были знакомы лично и даже дружили.

Одним словом, в гимназиях, в нашей Флёровской гимназии и в целом ряде других московских гимназий и петербургских гимназиях, в меньшей степени в киевских и в харьковских, но тоже молодыми относительно учителями были начинающие преподаватели соответствующих университетов, политехнических институтов и так далее.

В.Д.: Сколько их было!

Н.Т.-Р.: Да. И это было хорошим началом, и трамплином, и разгоном для университетских преподавателей, и хорошей практикой для них. И это, как я уже говорил, в значительной мере повышало средний уровень школьного преподавания.

Правда, иногда бывали и случаи такие. В старших классах (кажется, это в восьмом классе полагалось, в последнем) существовал предмет космография. И у нас во Флёровской гимназии преподавал его экстраординарный профессор Московского университета, астроном, вот в данный момент у меня выпала из головы его фамилия. Довольно известный астроном. Это, конечно, было полнейшим недоразумением. Он был, несомненно, хороший астроном и, несомненно, вполне почтенный профессор университетский. Но у нас он приходил на урок, вежливо с нами раскланивался, мы, вставши, тоже вежливо раскланивались.

” Потом он оборачивался к доске и все положенное время для урока расписывал там какие-то абсолютно нам непонятные формулы и при этом что-то рассказывал. Причем, мы полагали тогда, что он не отдает себе отчета, читает ли он один или другой из своих университетских курсов.

Но совершенно явно он не сознавал, что производит сотрясение воздуха в гимназии.

В.Д.: Вот к чему приводило игнорирование передовой педагогики (*смеется*).

Н.Т.-Р.: Нет, простите. Это не игнорирование передовой педагогики, а просто чисто индивидуальное свойство вот этого профессора.

В.Д.: Так я вас подразнил.

Н.Т.-Р.: А передовая педагогика обыкновенно заключается в том, что во время подготовки учителей их нашпандоривают всякой педагогикой, никому не нужной, и совершенно недостаточным знанием своего предмета.

В.Д.: Это уж потом было, а вообще-то говоря...

Н.Т.-Р.: А передовая педагогика — это довольно ненужная вещь, потому что обычно в основе ее лежит неправильное мнение, что можно человека чему-то научить против его желания, не заставляя его учиться. А это не так.

В.Д.: А можно разбудить желание.

Н.Т.-Р.: Разбудить желание может интерес, а не передовая педагогика. Ежели учитель талантливый и интересный человек, то никакой ему передовой или реакционной педагогики не требуется.

В.Д.: Ну, реакционной педагогики, конечно, нет. Но я вот учился в советское время. Яркая была педагогика. Яркая! Потом, конечно, все это выродилось. И очень были яркие учителя.

Н.Т.-Р.: Ну да, потому что... вы учились в Москве?

В.Д.: В Москве. С 17-го по 26-й год.

Н.Т.-Р.: Ну, тогда в московских школах был расцвет, потому что передовые педагоги, самые талантливые, из гимназий, реальных училищ, коммерческих училищ...

В.Д.: Семинарий.

Н.Т.-Р.: ...и даже из семинарий и учительских семинарий преподавали тогда во второй ступени единой советский средней школы.

В.Д.: Вот-вот, я в таковой и учился — в 1-й опытной школе. Простите, сделаем здесь паузу, надо перевернуть, осталось немножко.

(Магнитофон выключен для перемены дорожки, потом включен опять)

О кружках вне гимназии

В.Д.: Прошу вас, Николай Владимирович, продолжайте. Мы что, уже к университету переходим или у вас еще о кружках?

Н.Т.-Р.: Нет, я хочу еще сказать о нашем, ну что ли культурном развитии в гимназическое время вне гимназии.

В.Д.: Пожалуйста.

Н.Т.-Р.: Надо сказать, что в Киеве, в той компании, в которой я рос, отчасти это были гимназисты 1-й гимназии, отчасти были гимназисты из других гимназий, включая всеми презираемую Науменковскую гимназию, несколько человек были у нас, в нашей компании. Старшими среди нас были уже студенты первого курса и курсистки первого курса университета и Высших женских...

В.Д.: Пускали девушек все-таки?

Н.Т.-Р.: Куда?

В.Д.: В кружки.

Н.Т.-Р.: В кружки, конечно. Насчет девушек — это вы не думайте. У нас в Киеве были, так сказать, конкуренции и вообще соревнования за хорошеньких гимназисток Фундуклеевской Мариинской гимназии.

В.Д.: Гимназисток?

Н.Т.-Р.: Они отличались — оне — отличались высоким процентом не только хорошеньких, но и настоящих красавиц среди них.

В.Д. (приподнято): Конечно, у нас, у каждого в молодости были красавицы такие, каких тепер нет (*смеется*).

Н.Т.-Р.: Нет, нет, нет. Это вы жестоко заблуждаетесь. Я в жизни видел красавиц.

В.Д.: Я иронически.

Н.Т.-Р.: До сих пор и хорошенькие, и красавицы, и по-настоящему интересные женщины вообще в мире не переводятся. Но почему-то Фундуклеевская Мариинская гимназия, это была... часть женских гимназий принадлежала ведомству императрицы Марии¹². Это были, вообще-то, в России, пожалуй, самые лучшие женские гимназии, не министерские, а в ведомстве императрицы Марии...

¹² В России с 1862 г. наряду с казенными (министерскими) и частными существовали открытые всесословные женские гимназии, содержавшиеся на средства государственной благотворительности. Они состояли при «Ведомстве учреждений имени императрицы Марии», начало которому было положено в 1797 г. Марией Федоровной (1759–1828), супругой Павла I. Другая Мария Федоровна (1847–1928) — тоже царствовавшая, супруга Александра III, в свое время стояла во главе управления ведомством и способствовала созданию училищ для девушек низших классов. Гимназия, о которой рассказывает Н.В., располагалась на углу Фундуклеевской и Елизаветинской улиц.

В.Д.: Марии Федоровны.

Н.Т.-Р.: Да. То есть, кажется, это еще...

В.Д.: Той?

Н.Т.-Р.: ...Марии Федоровны той, начала XIX века, но не ручаюсь.

В.Д.: Я тоже точно не знаю. Простите, я вас тут перебую. Мне интересна дата: когда же вы перекочевали из Киева в Москву, соответственно в какой класс? Когда вы говорите о киевской гимназии, то я представляю себе тринадцать лет.

Н.Т.-Р.: Я, по-моему, в шестой класс перекочевал в Москву.

В.Д.: Значит, шестой, седьмой... восьмой у вас был?

Н.Т.-Р.: Да, конечно.

В.Д.: Значит, шестой, седьмой...

Н.Т.-Р.: Вот не то пятый, шестой, седьмой, восьмой, не то шестой, седьмой, восьмой я в Москве учился.

В.Д.: Значит, три или четыре года.

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: А кончили вы гимназию когда?

Н.Т.-Р.: В 17-м.

В.Д.: В 17-м? Когда я поступал. Долой четыре года, значит, ваш переход из Киева в Москву совпал с началом войны?

Н.Т.-Р.: С началом войны, да.

В.Д.: Понятно.

Н.Т.-Р.: С началом войны 14-го года. Так вот, у нас были кружки в Киеве, довольно такие разнообразные по устремлениям и содержанию. Это были и компании, занимавшиеся более-менее совместно спортом. Например, наша компания совершала во все свободные урывки времени, но более-менее длинные, экскурсии и иногда даже небольшие экспедиции в окрестности Киева. Рано завелись велосипеды, которые, кстати, я презирал.

Я в молодости и особенно в юности презирал всякую цивилизацию, как я ее называл, включая велосипеды. Я считал для себя, зоолога, охотника и лесного человека, велосипед фидонком.

В.Д.: Так, понятно, fi donc¹³.

¹³ См. первую беседу.

Н.Т.-Р.: Да. Fi donc. Но этих самых фундуклеевских гимназисток я отнюдь не презирал. И когда устраивались совместные более-менее большие велосипедные экскурсии куда-нибудь за тридцать пять — сорок верст, по Житомирскому шоссе, на речку Ирпень или куда-нибудь, я петушком рядышком пробегал это.

В.Д.: Ведь вам что ж, тринадцать лет было, четырнадцать самое большее.

Н.Т.-Р.: Да, тринадцать-четырнадцать лет, да.

В.Д.: Если пятый класс вы в Москве уже были.

Н.Т.-Р.: Да. Но мы были вообще в мое время, почему-то вся наша компания... то же самое наблюдалось в России, по-видимому, в начале XIX века, в пушкинских кружках и среде. Они ведь тоже в четырнадцать — пятнадцать лет были готовыми поэтами и всякая такая штука. Потом семнадцати — восемнадцатилетние балбесы были еще детьми, бывали и такие эпохи.

В.Д.: А сейчас и в тридцать лет — детки.

Н.Т.-Р.: Ну так вот, хочу сказать, что я в те времена здорово насобачился бегать. Житомирское шоссе, как известно, такими волнами, то вниз, то вверх, то вниз, то вверх. Вниз они меня на велосипедах, конечно, обгоняли, а в горку на велосипеде ехать, как известно, очень скучно, в горку я их обгонял.

Мы не состязались. Я просто без велосипеда вместе с ними куда-нибудь на Ирпень за тридцать пять верст убежал.

В.Д.: Это вы тридцать пять верст бежали?!

Н.Т.-Р.: Да. И потом я еще... десять лет тому назад, в возрасте почти шестидесятипятилетнем... между прочим, Надежда Васильевна Реформатская не верила, не верила, а потом увидела это в Миассово, на Южном Урале¹⁴. Я, так сказать, играючи, за лошадь в телеге, вернее, впереди этой лошади, пробегал на так называемые дальние копи в заповеднике десять — двенадцать верст бегом и обратно то же самое. Компания на лошадях, а я бегом.

¹⁴ Н.В. Реформатская (урожд. Вахмистрова, 1901–1985) — литературовед, специалист по литературе XX века, друг Тимофеевых-Ресовских. Приезжая в 1956-м, 1959-м и 1963 гг. в Миассово, она, как и многие другие, действительно была очевидцем подобных пробежек Н.В. А упоминается она в разговоре потому, что Виктор Дмитриевич, решив записывать рассказы Н.В., обратился к Надежде Васильевне за содействием.

В.Д.: Лесной человек, ничего не скажешь!

Н.Т.-Р.: Но я всегда спорт презирал. В Киеве еще началось это презрение к спорту, за исключением футбола.

В.Д.: А вы и футболистом были?

Н.Т.-Р.: Был.

В.Д.: А кружки-то все-таки в чем же?

Н.Т.-Р.: Кружки заключались в том, что мы в свободное время собирались и, смотря по сезону и по умонастроению, либо устраивали какие-нибудь экскурсии-экспедиции. Еще в совершенно, я бы сказал, полудетском возрасте у нас были претензии на серьезность и научность. Мы прямо исследовали какие-нибудь малоисследованные речки или лесные массивы, собирали коллекции...

В.Д.: Хорошо!

Н.Т.-Р.: ...читали доклады по прочтенной литературе, некоторые делали доклады литературоведческого порядка о каких-нибудь писателях или поэтах, кое-кто выступал по актерской линии: читал стихи по-актерски нам. Мы были довольно передовые...

В.Д.: Какие же стихи читали?

Н.Т.-Р.: Мы уже тогда в 11-м, 12-м, 13-м, 14-м годах, конечно, главным образом, увлекались символистами и акмеистами в русской поэзии: Блок, Белый, Бальмонт.

С другой стороны, появился тогда Игорь Северянин со своими футуристическими стишками. Мы немножко издевались над ним. Он, между прочим, как-то приезжал в Киев, мы всем кружком ходили его слушать и немножко даже публично поиздевались*.

¹⁵ Поэт Игорь Северянин (1887–1941) мог быть в Киеве в 1913 г.

В.Д.: А что вы помните, как поиздевались?

Н.Т.-Р.: Кто-то из нас был неплохой рифмоплет и приветствовал его в виде весьма злого сатирического подражания ему в стихах.

В.Д.: А кто еще приезжал в Киев из литераторов?

Н.Т.-Р.: Да много. Маяковский¹⁶ там шатался с каким-то подсолнечником в петлице.

В.Д.: Вы слышали в Киеве Маяковского?

¹⁶ В.В. Маяковский (1893–1930) приезжал в Киев зимой 1914 г. В прессе, обсуждавшей его выступления, отмечались и клейма на лице, заимствованные у уголовных типов (см.: Катанян В.А. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М. 1985. С. 84–85).

Н.Т.-Р.: Слышал и видел его на Крещатике: он с Бурлюками там, с расписанными мордами...

В.Д.: У него никогда не была морда расписана.

Н.Т.-Р.: Была! Я сам видел!

В.Д.: У Маяковского?

Н.Т.-Р.: Ну, конечно! Ведь вы не забывайте: Маяковского канонизировали и иконку из него сделали. А вообще был обыкновенный хулиган-футурист, с Бурлюками... А потом Бурлюки... нюха истории у них было меньше, чем у Маяковского. Маяковский вышел в классики советской литературы и особенно поэзии: «Нигде кроме, как в Моссельпроме» и «От всего старого мира мы оставим только папиросы “Ира”». Я не люблю очень Маяковского.

В.Д.: Я это чувствую. К этому вопросу мы вернемся, когда будем заканчивать.

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: А сейчас мне интересны факты. На выступлении его вы были?

Н.Т.-Р.: В Киеве — нет.

В.Д.: В Киеве нет? Так что вы его видели только на улице?

Н.Т.-Р.: Нет, не только на улице, и в частных домах.

В.Д.: Каких же, например?

Н.Т.-Р.: Ну, я не помню, у каких-то там знакомых.

В.Д.: Не помните каких?

Н.Т.-Р.: Совершенно не помню. Его знакомых. Я, надо сказать, никогда ни Бурлюками, ни Маяковским не интересовался, даже тогда уже как-то презирал.

В.Д.: И так осталось...

Н.Т.-Р.: И так осталось на всю жизнь.

В.Д.: Между прочем, вы совершенно правильно прекрасно сформулировали, что нельзя человека заставить интересоваться тем, чем он не хочет.

Н.Т.-Р.: Да.

В.Д.: Поскольку вы сами не хотели, то прошло мимо вас очень большое явление.

Н.Т.-Р.: Я так не считаю.

Я потом довольно серьезно интересовался поэтикой и поэтами*. И до сих пор у меня теоретическое убеждение, что это маленький человек, маленький поэт, вообще почти не поэт, а рифмоплет, который потом очень удачно рифмосплетал передовицу.

¹⁷ Глубокий интерес Н.В. к русской поэзии подтверждают составленные им и собственноручно отпечатанные тринадцать машинописных сборников «Избранные стихотворения русской поэзии» (I–XIII. Бух, 24 октября 1940 — 24 августа 1942). Сборники сохранила Н.П. Кром и передала их М.А. Реформатской.

В.Д.: И потом зачем-то застрелился.

Н.Т.-Р.: И потом застрелился, запутавшись в бабах.

В.Д.: Так, ну, это мы сейчас отставим. Этот диспут я все-таки, так сказать, в карман себе кладу. Но я не хочу вас сбивать.

Н.Т.-Р.: Надо сказать, мне, с одной стороны, может, и не повезло, а с другой стороны, очень повезло. В конце концов, я считаю, что мне повезло. Я во всех кружках наших, до 20-х годов уже, послеуниверситетских, всегда был ежели не самым молодым, так из младших. Я говорю «повезло», потому что тем самым я действительно очень много от этих кружков получил.

В. Д.: Так что же именно? Это очень интересно.

Н. Т.-Р.: Дело в том, что в качестве младшего я принимал участие в так сказать мероприятиях, слушал доклады, участвовал в прениях людей, значительно более образованных и старших по сравнению со мной. Это, конечно, меня довольно быстро развивало в разных псевдонаучных направлениях, так скажем, приучало сравнительно рано к серьезной литературе, к серьезным точкам зрения на разные вещи, понимаете? Это, конечно, очень важно. Одно дело быть сравнительно уже сформировавшимся молодым человеком и участвовать в кружке с мальчишками. А другое дело мальчишкой участвовать в кружке молодых людей обоего пола. В некоторых отношениях ведь девчонки быстрее развиваются нас, мальчишек.

В. Д.: В разное время. А потом они останавливаются. Мы их обгоняем.

Н. Т.-Р.: Да-да-да. Я говорю сейчас про юность, возраст от двенадцати до восемнадцати лет. Вот. Так что мы, с одной стороны, занимались экскурсиями, поездками, очень много на лодках ездили более маленькими компаниями. Я из Киева две очень интересные поездки проделал, в первый раз нас было трое, во второй — четверо. Мы на реке Ирпень (правый приток Днепра, впадающий чуть посевнее Киева) купили лодку, хорошую лодку за пятнадцать рублей и прокатились по всему Днепру в Черное море. Через пороги за трешницу, с лоцманом, лодочку можно было на плот поставить за трешницу. И специальный плотовщик-лоцман проводил у правого берега через пороги. И так докатились мы до Черного моря, поохотились в днепровских плавнях, там продали свою лодочку за четвертной билет, потому что там степные безлесные места — лодки много дороже, и поступили юнгами на рыбацкие шхуны. Там в это время, весной и в начале лета, нехватка рабочих рук у рыбаков, потому что рыбаки-то черноморские раньше были наполовину рыбаки, наполовину мужики: у них было и крестьянство, и рыбацество. По крестьянству как раз сенокос, а по рыбацеству камбалу ловить надо. Так вот нас подрадили на три недели на камбалу юнгами. По четвертному билету каждому. Мы, мальцы, гимназисты были. И мы три недели ловили камбалу, прибыли в Одессу-маму, получили втроем семьдесят пять целковых, великолепно, комфортабельно там пожили дней десять и потом по железной дороге вернулись в Киев. Великолепная была поездка!

Вторую поездку мы учинили вверх по Днепру, в Припять. А надо вам сказать, что через зоолога Сергея Ивановича Огнёва, с которым я тоже экскурсировал много, в экспедициях был...

В. Д.: Он в Киеве был?

Н. Т.-Р.: Нет, в Москве. Но он был моим свойственником, так сказать, не родственником...

В. Д.: А в Киеве хороший был естественник?

Н. Т.-Р.: В Киеве работал... да, был очень хороший зоолог Беллинг такой. Не Бенинг... Бенинг был на Волге. Заведовал волжской гидробиологической станцией Бенинг. А в Киеве была Днепровская биологическая станция, ею заведовал Беллинг, доцент молодой совсем тогда Киевского политехнического института. В Киевском политехническом институте был и сельскохозяйственный факультет, и кафедра зоологии, и прекрасный Зоологический музей. И вот этот Беллинг был первым моим учителем зоологии в Киеве. А в Москве и в прочей России — Огнёв, с которым я много экскурсировал, в экспедициях бывал в качестве препаратора, ему помощником. Тушки набивал и всякая такая штука, стрелял птиц и прочее.

В те же времена я стал выдающейся личностью. Вы должны ценить, что знакомы со мной, имеете со мной дело. Я не просто человек, а я, насколько я мог установить, единственный человек в мире, в природных условиях обгаженный пеликаном. (*Дувакин хохочет.*) Понимаете? (*у смеяется*) Это, как говорится, не жук накакал, а много серьезнее. А это было так. В одной поездке в то, что сейчас Казахстан называется, а раньше назывались Киргизские степи, там в районе озера Денгиз много различной солёности мелких и средней величины озёр. Мы проезжали, и мне нужно было два пеликана для коллекции. Один пеликан у меня уже был, шкурка была уже препарирована, и вот нужен был другой пеликан. Я как-то еду себе верхом на коню, подъезжаю к озёрку, с одного берега такая, как хохлы говорят, очерёдь — камыши, тростники и такая бухточка. И в эту бухту плывёт целая стая пеликанов и рыбу ловит. Я соскочил с коня. Конь у меня был казацкий, хороший, он так и стоит, и стоять будет сколько угодно, ждать седока, бросил его и на брюхе пополз за эти камыши. Когда подполз на расстояние верного выстрела, из стаи выбрал себе нужного пеликана, бабахнул и убил его.

” Пеликаны все перепугались и взлетели. Они плыли на меня и полетели так — через меня. И с ними медвежья болезнь, по-видимому, случилась: они в воздухе — то все обкакались.

И один пеликан мне вот так, на лоб, угодил. А он величиной с крупный телячий, почти коровий, но рыбный — вонючий страшно. Я прямо даже не раздеваясь, мне все равно нужно было в озеро лезть убитого пеликана забирать, я прямо уже, не раздеваясь, бросился в это озеро, обмылся, пеликана взял. Так что, вот это не то, что что-то, а что касаемо в рассуждении, то и вообще, как говорится.

В. Д. (*смеется*): Так, этим знамениты. А кто ж, так сказать, по этим кружкам? Это естественные.

Н.Т.-Р.: Наш кружок был всеобщий.

В. Д.: Всеобщий? А вы говорите: литературоведческие доклады, историческое что-либо было?

Н.Т.-Р.: Да. Конечно. И антропологическое, и этнографическое, и какое угодно. Я помню, я тогда читал, еще в 13-м году или в 14-м году докладик о тогдашнем состоянии так называемой физической антропологии, то есть происхождении человека: там всякие эти вопросы питекантропов и неандертальцев, их соотношения и так далее.

Так вот. А на лодке мы опять-таки вверх по Днепру и по Припяти в Пинские болота, например, ездили.

Там я коллекционировал... во всех таких поездках я был уже тогда сборщиком Императорской Академии наук. Это была очень замечательная вещь. Через Огнёва и еще кого-то, и старика Огнёва Ивана Флоровича, гистолога знаменитого, профессора

Московского университета, и еще кого-то я получил открытый лист так называемый. Зоологический музей Академии наук пополнялся, главным образом, сборами народных масс всяких. Было довольно много коллекционеров, сборщиков, которые работали на Академию наук, и им выдавался такой замечательный, на толстой бумаге лист, где печатано было: наверху огромными буквами: «Императорская». Поменьше буквами: «Российская Академия наук». Совсем маленькими: «Зоологический музей». Затем текст, примерно такой: «Податель сего является препаратором и сборщиком материалов Зоологического музея Императорской (опять более крупным шрифтом) Российской Академии наук».

В.Д.: Значит, вы имели отношение к Зоологическому музею?

Н.Т.-Р.: Имел отношение. Вот это.

В.Д.: А вы...

Н.Т.-Р.: Погодите, я не докончил. Самое важное-то. Дальше стояло: «Указанному препаратору и сборщику, Тимофееву-Ресовскому (это вписано тушью писарем, писарской рукой, аккуратненько) разрешается круглогодичная научная охота в пределах всей Российской империи без соблюдения каких-либо охотничьих сроков. Всем местным властям предлагается оказывать (опять тушью вписано) такому-то Тимофееву-Ресовскому всяческое содействие. Президент Академии наук...

В.Д.: Великий князь...

Н.Т.-Р.: ...великий князь Константин Константинович». Ведь Карпинский был вице-президентом. Только с 16-го года стал президентом, когда Константин Константинович скончался. Поэт известный, «КР».

В.Д.: Я знаю, знаю.

Н.Т.-Р.: Написано «Константин», а сбоку канцелярской рукой опять тушью написано: «Подписано его Императорским Высочеством великим князем Константином Константиновичем». А в левом нижнем углу большая восковая печать, покрытая такой папиросной бумажкой с двумя шелковыми хвостиками. Я об этом рассказываю потому, что эта бумага делала человека примерно тем, что из литературы мне известно в отношении фельдъегерей времен Николая I, который мог по всей России скакать с невероятной скоростью, ямщиков и даже почтмейстеров этих самых бить по морде и так далее. Я получал всюду почтовых лошадей без очереди.

В.Д.: Ну уж тогда что, железные дороги были, чего ж лошадей.

Н.Т.-Р.: Железные дороги! А сейчас куда вы попадете по железной дороге?

В.Д. (смеется): Ну, а потом переседаю на автобус.

Н.Т.-Р.: «Переседаю на автобус». Сейчас, между прочим, труднее, чем до революции в какие-нибудь действительно захолустные места попасть, потому что, в конце концов, остается только голосование.

В.Д.: Да.

Н.Т.-Р.: То же самое и с почтой ведь: колхозы сами должны себе почту добывать из ближайшего почтового отделения. А ведь раньше мы могли какому-нибудь самоеду — в большеземельскую тундру письмо послать — и его доставят в юрту кочующего самоеда. Так вот, это была очень выгодная бумажка

В.Д.: И вам было пятнадцать лет, четырнадцать?

Н.Т.-Р.: Я получил ее, мне было тринадцать лет, когда я получил эту бумагу.

В.Д.: Вы были горды этой бумагой?

Н.Т.-Р.: Вообще, я был горд. Но чего особенно гордиться? Вещь деловая — чего ж там гордиться.

В.Д.: Вы говорили о Зоологическом музее, в связи с этим я записал недавно как раз человека, очень много сделавшего в создании... Знали вы его или нет? Борис Степанович Матвеев.

Н.Т.-Р.: Да, господа, это мой учитель. Он к Зоологическому музею Академии наук никакого отношения не имел.

В.Д.: К Зоологическому музею университета, да.

Н.Т.-Р.: Ну, и к Зоологическому музею университета он тоже косвенное отношение имел.

В.Д.: А сейчас...

Н.Т.-Р.: Да нет, сейчас он умер.

В.Д.: Ну да, он умер как раз.

Н.Т.-Р.: Мы с ним, когда встречались в Москве, со стариком, всегда обнимались и почти до самой его смерти друг друга немного приподымали. Всё хотели видеть: можем еще или нет?

В.Д.: Хороший старик!

Н.Т.-Р.: Замечательный человек! Мы с Еленой Александровной, моей женой покойной, были его учениками, когда он молоденьким был ассистентом, ведущим большой практикум.

В.Д.: Ну, это вы расскажете, когда об университете будете рассказывать. Я думал, что это здесь. Хорошо. Что еще по кружкам?

Н.Т.-Р.: По кружкам очень много еще. В этих кружках, с одной стороны, я и несколько других человек занимались уже довольно рано довольно серьезной естественно-исторической работой. Я вот, сколько себя помню, был зоологом всегда.

И вот с двенадцати — тринадцатилетнего возраста был серьезным сборщиком зоологического материала: главным образом птиц и рыб я коллекционировал. Это были мои специальности в области позвоночных. И затем планктон, низшие: ракообразные, водяные блохи всякие, циклопы, дафнии, вот такая штука. Вообще, я был преимущественно мокрым зоологом. Из птиц тоже всякую водоплавающую: дичь, чаек — всякую такую штуку любил. А прочих менее любил. Как настоящий зоолог, у меня были любимые группы и были нелюбимые группы животных. У настоящих зоологов и настоящих ботаников всегда имеются любимые и нелюбимые систематические группы. Мне очень помогало то, что я с малых лет и до теперешнего времени... у меня постоянно бывают периодические, иногда краткосрочные, иногда долгосрочные увлечения чем-нибудь.

В.Д.: Хорошо!

Н.Т.-Р.: Потому что я всегда говорил и своим ученикам, и молодым человекам: «Плохо, когда человек теряет любознательность». Любознательность — великая вещь в человеке. Но, к сожалению, многие люди рано очень теряют любознательность, а у других она заменяется — мужская любознательность — женским любопытством. Любопытство — это...

В.Д.: Порок.

Н.Т.-Р.: ...порок.

В.Д.: А любознательность — достоинство.

Н.Т.-Р.: Достоинство. Есть даже старинная русская поговорка: «Любознательность — доблесть мужчин, а любопытство — порок женщин».

В.Д. (усмехаясь): Выгодно нам!

Н.Т.-Р.: Да. Так вот я и тогда периодически увлекался всякой всячиной. Это было мне очень полезно, потому что я во время увлечения по довольно серьезной тогдашней научно-популярной литературе соответствующие вопросы в меру сил осваивал, и это, конечно, было мне полезно для накопления того, что можно назвать ориентировочными знаниями. Для людей, претендующих на какую-то умственную деятельность, необходимой предпосылкой является некоторый достаточный минимум ориентировочных знаний об окружающем в разных направлениях. В этом отношении я всю жизнь наблюдал и сейчас наблюдаю, что вот ваш брат гуманитарий в невыгодном по сравнению с нами, естественниками, положении оказывается. Я говорю только, конечно, не о массовом человеке (массовые человеки — всё массовые человеки), а людьми более или менее, значит, не номерными, а индивидуальными. Интересными людьми. Большинство ведь гуманитариев бесконечно менее образованны, чем мы, и обладают значительно меньшим количеством ориентировочных знаний. Это связано, конечно... это остаток традиций XIX века, когда ведущим культурным уровнем были гуманитарные дисциплины.

В.Д.: И так будет, наверное.

Н.Т.-Р.: Нет. Видите ли, в XX веке ситуация резко изменилась, вот в каком отношении. Резко изменилась, так сказать, физическая картина мира. Физическая картина мира XVIII — XIX века была легко доступна любому человеку, даже скверному поэту. Скверный поэт, прослушав пару популярных лекций, мог быть *au courant*¹⁸ физической картины мира. В начале и в первой трети или четверти XX века физическая картина мира резко изменилась. Я говорю не про прикладную часть: техника, косметика, что летают в космосе, атомные электростанции строят — это все прикладное, несущественное. Уже, так сказать, конечное приложение. А именно физическая картина мира резко изменилась. Сейчас мы, естественники, те из естественников, конечно, которые не просто какие-нибудь зоологи, ботаники, химики вонючие или там геологи ползучие, а люди, которые интересуются, работают и чувствуют себя в сфере современных естественнонаучных идей и современной научной картины мира, они ведь находятся в совершенно ином положении. Сейчас и серьезные философские проблемы отнюдь не гуманитарные, а естественнонаучные и математические.

¹⁸ В курсе (фр.)

У вас, гуманитариев, до сих пор считается часто философией, скажем, примитивный какой-нибудь материализм, на который нам совершенно наплевать, это материализм диалектический, или исторический, или, как это называется, грубый материализм. Ведь это все чушь собачья, так же как и деление на материализм и идеализм, как деление на метафизику и не на метафизику. Ведь не только наши господа философы, но и многие загармоничные философы-профессионалы до сих пор думают, что существует метафизика и существуют такие материалистические системы философии, которые не метафизика. А ведь это такая же метафизика, как и идеалистическая философия. Методологически не отличается от любой другой метафизики. Всякое философствование онтологического типа есть метафизика, мета-физика. А сейчас современная естественнонаучная картина мира, она совершенно сблизена и родственна философской метафизике.

В.Д.: Чьей, в частности?

Н.Т.-Р.: Метафизике в общем смысле.

В.Д.: Я понимаю, но...

Н.Т.-Р.: А наша естественнонаучная картина мира ближе всего, пожалуй, к платонизму.

В.Д.: Я это слово... боялся рискнуть, хотел сам произнести.

Н.Т.-Р.: Конечно, сейчас наша естественнонаучная картина мира, с точки зрения примитивных, детских классификаций университетских философов, профессоров философии XIX, да еще и XX века, конечно, в общем, должна быть обругана идеализмом. К счастью, мы тогда уже многое из этого понимали. Например, мне пришлось (это с одной стороны, жалко) в нашем кружке (а с другой стороны, может быть, и хорошо), я в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет одолел «Пролегомены чистой логики» Гуссерля, три тома, одолел Канта. Пришел самостоятельно к выводу, что за полтора года до Канта живший англичанин Юм...

В.Д.: Юм? Я знаю.

Н.Т.-Р.: ...сделал то же самое, что Кант, но более четко и коротко, поэтому Юма следует предпочитать Канту, знаменитому литовскому философу Манолису Кантису.

В.Д.: Вот то, что он Кантис, я не знал.

Н.Т.-Р.: Да ну! Литовцы сейчас его считают своим.

В.Д.: О Юме имею представление.

Н.Т.-Р.: Это нам, части членов нашего кружка, было ясно в те времена. Я говорю, что мне повезло: я был младшим, но благодаря этому имел возможность с помощью старших товарищей познакомиться со всем этим очень рано. Я еще не был в пятом классе, когда разбирался в истории философии. С другой стороны, мы спортом занимались, в котором мне не везло. Я спорт презирал, как я уже вам говорил.

В.Д.: Но все-таки им занимались.

Н.Т.-Р.: Нет, мне пришлось несколько раз. Нет, я футболистом был всерьез. А из прочего спорта... однажды мне очень не повезло. Как раз в Киеве, на Днепре, был яхт-клуб, а рядом с ним была спасательная станция. На Днепре под Киевом она имела большой... «станция Императорского общества спасания на водах». Так как я с детства плавал как рыба, то я чуть ли не с двенадцати, во всяком случае, с тринадцати лет был членом этого Императорского общества спасания на водах. И весной в качестве гимназистика дежурил на спасательной станции. Ну, и вылавливал всяких дураков, которые топли, особенно много всяких девиц и молодых человек, которые пробовали романтику.

Еще лед не прошел, пробовали на лодочке выплывать, а в лодочках, узеньких гребных лодочках, целоваться нужно очень умеючи. Это требует разработанной техники и опыта, а каждому дураку не дадено.

И вот много парочек таких опрокидывалось. Их потом, дураков, нужно было из крайне холодной воды вытаскивать. Вот это было наше занятие. А рядом с нами находился днепровский яхт-клуб... *(видя, что Дувакин следит за магнитофонной пленкой)* что, кончилась?

В.Д.: Нет, немножко есть еще, минутки три.

Н.Т.-Р.: ...у которого была очень сильная команда гребцов, знаете, на подвижных банках на этих, узеньких лодочках?

В.Д.: Видел.

Н.Т.-Р.: И прекрасная восьмерка. Она пару лет была на первом месте в России, била даже и петербуржцев, и финнов из Гельсингфорса. И вот обыкновенно на Днепре первая большая регата весной, еще не совсем сошла полая вода... И вот как-то (я не помню, весна 13-го... весной 14-го это, по-моему, было) прямо перед состязанием наша восьмерка, сходя по лестницам к причалу... один из дурачков, значит, поскользнулся и сломал себе руку. И либо нашей знаменитой восьмерке выпасть из состязаний, либо что-то взамен. Так как я был приятелем всей этой компании, меня уговорили. Ну, на подвижных банках грести я мог, но никогда спортом этим не занимался и презирал. И сел я на место этого дурака, который руку себе сломал. Так я до сих пор не помню, как меня на финише вытащили. Мы что-то на корпус или два корпуса оказались все-таки впереди. Несмотря на меня, они выиграли. Но я думал, что помру. Ведь надо же в темпе и под водой весло протягивать. А ведь это страшно трудно без тренинга.

В.Д.: Да, сердце у вас тренированное.